

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»**

Кафедра всеобщей истории

**Образ «Другого»:
Византия на страницах хроник IV Крестового похода**

АВТОРЕФЕРАТ МАГИСТЕРСКОЙ РАБОТЫ

студента 2 курса 262 группы
направления 46.04.01 История, профиль «Интеллектуальная жизнь Запада:
от средних веков к современности»,
Института истории и международных отношений
Лобанова Даниила Дмитриевича

Научный руководитель
д.и.н., профессор

_____

Л.Н. Чернова

Зав. кафедрой
д.и.н., профессор

_____

Л.Н. Чернова

Саратов 2026

Введение. Тема «Восток – Запад», проблема взаимодействия культур при одновременном стремлении к сохранению их идентичности сегодня является одной из наиболее актуальных. Эта тема является также частью относительно новой научной дисциплины – исторической имагологии, которая опирается на конкретно-исторический анализ культурных стереотипов, представлений народов друг о друге, путей их формирования, способов бытования и процессов трансформации в контексте отношений «мы – они», «свой – чужой»¹. В Европе оппозиция «свои – чужие» возникает уже в античную эпоху («эллыны – варвары»). На смену этим двум оппозициям в Средние века приходит противостояние «язычество – христианство». Если в античности оппозиция «свои – чужие» имела культурный смысл, то в Средневековье главную роль в создании образа «Другого» играла религия. «Другие» в средневековой культуре – язычники, иноверцы – мусульмане, иудеи, христиане-схизматики².

Из всего многообразия проблем, связанных с образом «Другого», нас будет интересовать восприятие западноевропейскими рыцарями Византии эпохи IV Крестового похода (1202–1204), проекция данного образа на сознание человека, принадлежащего к иной культурной традиции. Обращение к IV Крестовому походу вполне оправдано. Четвертый Крестовый поход – одно из самых противоречивых событий в средневековой истории. Воины Христа, которые отправлялись на завоевание Египта и Святой Земли, направили свое оружие на своих единоверцев, осаждали христианские города и разграбили Константинополь. Этот поход стал первым, в котором политическое начало столь явно превалировало над религиозным.

---

¹ Репина, Л.П. Диалог культур в контексте истории и в историческом познании // Репина, Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М., 2011. – С. 251. Сам термин «имагология» (от лат. *imago* – образ) появился на страницах академических, в первую очередь социологических, изданий, еще в 20-х гг. XX в. Считается, что термин введен в оборот У. Липманом (Lippmann, W. *Public Opinion / with a new introduction by M. Curtis.* – New York, 1922). Однако широкое распространение он получил лишь с середины 1950-х гг.

² Лучицкая, С.И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. – СПб., 2001. – С. 6–7, 8.

Историография проблемы. Изучение проблем диалога, традиции восприятия «Другого» относят к началу XX в. В это время в западной философии возникает крупное идеалистическое направление – феноменология, основателем которого является немецкий философ Э. Гуссерль³. В ходе своей преподавательской деятельности и на основании многочисленных работ он сформировал ключевые аспекты нового философского движения. В дальнейшем ряд европейских философов, теологов и культурологов активно развивали отдельные положения феноменологии: М. Бубер⁴, М. Мерло-Понти⁵, Э. Левинас⁶, М. Хайдеггер⁷. Что касается исторической науки, то здесь мы можем констатировать за последние десятилетия, во-первых, общее оживление интереса к проблематике «чужого»⁸, во-вторых, попытки теоретического осмысления данной проблематики⁹ и, в-третьих, попытки конституировать имагологию как самостоятельное исследовательское направление в историографии. В центре внимания имагологии – социальная функция представлений, их природа, происхождение и т. д.

Зарубежная историография проблематики магистерской работы представлена исследованиями, в которых изучается то, как в европейской культуре складывались и развивались образы мусульманских стран, представления европейцев о Востоке. В связи с этим следует назвать работы У. Монтгомери Уотта¹⁰, Б. Луиса¹¹, Ф. Кардини¹², в которых исследуется многообразие аспектов взаимо-

---

³ Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / пер. с нем. А.В. Михайлова. – М., 1999.

⁴ Буббер, М. Я и Ты / пер. А. Анваер. – М., 2024.

⁵ Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия. – СПб., 1999.

⁶ Левинас, Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека. – СПб., 1998.

⁷ Хайдеггер, М. Основные проблемы феноменологии / пер. с нем. А.Г. Чернякова. – СПб., 2001.

⁸ См., напр.: Россия и Европа в XIX–XX вв.: проблема взаимовосприятия народов, социумов и культур / под ред. А.В. Голубева. – М., 1996; Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья / под ред. Р.М. Шукурова. – М., 1999; Оболенская, С.В. Германия и немцы глазами русских (XIX век). – М., 2000; Чернышёва, О.В. Шведский характер в русском восприятии (по свидетельствам XIX–XX вв.). – М., 2000.

⁹ Одиссей. Человек в истории. 1993: Образ «Другого» в культуре. – М., 1994; Лучицкая, С.И. Образ Другого: проблематика исследования // Восток-Запад: проблемы взаимодействия и трансляции культур. – Саратов, 2001. – С. 194–203.

¹⁰ Уотт, М.У. Влияние ислама на средневековую Европу / пер. с англ. – СПб., 2008. (М., 1976).

¹¹ Луис, Б. Ислам и Запад. – М., 2003.

¹² Кардини, Ф. Европа и ислам: история непонимания / пер. с итал. – СПб., 2016.

действия Европы и ислама – от вооруженных конфликтов до мирных контактов: военные столкновения, торговый обмен, достижения в области материальной культуры, технические открытия, развитие науки и философии. На протяжении последних десятилетий проблематика взаимовосприятия культур претерпела значительные изменения. Исследователей все больше интересует разработка общетеоретических вопросов восприятия образа «Другого». В этой связи следует отметить работы Б. Андерсона¹³ и И. Нойманна¹⁴.

В отечественной историографии также рассматривались вопросы взаимовосприятия культур и складывания у одних народов представлений о других. В основном исследования проводились в русле социологии, психологии, этнологии¹⁵. В 70–80-е гг. XX в. появляются первые яркие работы по воспроизведению отдельных образов «Другого»¹⁶. Однако настоящим поворотом в данной проблематике стал выпуск в 1993 г. альманаха «Одиссей»¹⁷. Существенный вклад в исследование формирования образа «Другого» внесли работы, посвященные эволюции христианских представлений о мусульманах: работы А.В. Журавского¹⁸, С.И. Лучицкой¹⁹.

При разработке данной темы были привлечены, прежде всего, работы по истории Византии: исследования А.А. Васильева²⁰, К.Н. Юзбашьяна²¹, Г.Г. Ли-

---

¹³ Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева ; вступ. ст. С.П. Баньковской. – М., 2016.

¹⁴ Нойманн, И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейской идентичности. – М., 2004.

¹⁵ Поршнева, Б.Ф. Социальная психология и история. – М., 1966; Кон, И.С. К проблеме национального характера // История и психология / под ред. Б.Ф. Поршнева, Л.И. Анцыферовой. – М., 1971. – С. 122–158; Кон, И.С. Открытие Я. – М., 1978; Дробижева, Л.М. Социально-культурный облик советской нации. – М., 1986.

¹⁶ Давидсон, А.Б., Макрушин, В.А. Образ далекой страны. – М., 1975; Ерофеев, Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. – М., 2022. (М., 1982).

¹⁷ Одиссей: Человек в истории. 1993: Образ «Другого» в культуре.

¹⁸ Журавский, А.В. Христианство и ислам. Социокультурные проблемы диалога. – М., 1990.

¹⁹ Лучицкая, С.И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов.

²⁰ Васильев, А.А. История Византийской империи: в 2 т. – Т. 2: Время от крестовых походов до падения Константинополя (1081–1453). – СПб., 1998; Васильев, А.А. История Византийской империи. – СПб., 2000.

²¹ Юзбашьян, К.Н. Классовая борьба в Византии в 1180–1204 гг. и Четвертый крестовый поход. – Ереван, 1957.

таврина²², В. Г. Ченцовой²³, С.Б. Дашкова²⁴. Основные факты и современные оценки событий византийской истории содержит второй том «Всемирной истории», подготовленный историками Института всеобщей истории РАН²⁵.

Большой блок привлекаемой научной литературы посвящен истории крестовых походов, в том числе – IV Крестовому походу. Это работы Ж.-Ф. Мишо²⁶, Б. Куглера²⁷, Дж. Райли-Смита²⁸, Дж. Филипса²⁹ и др. Среди отечественных историков назовем имена А.А Федорова-Давыдова³⁰, Ф.И. Успенского³¹, М.А. Заборова³², А. Доманина³³, А. В. Бармина³⁴, С.И. Лучицкой³⁵.

Отдельно следует выделить статью А.А. Шишкина, который на материале хроник Ж. Виллардуэна и Р. де Клари пытается представить события IV Крестового похода в оценке его участников и выявляет отношение участников похода к ключевым событиям похода: захватам Задара и Константинополя³⁶. Интересный материал об идеологических установках и жизненной практике ры-

---

²² Литаврин, Г.Г. Как жили византийцы. – СПб., 1999. (Л., 1974 г.).

²³ Ченцова, В.Г. Константинополь глазами западноевропейцев // Город в средневековой цивилизации Западной Европы: в 4 т. / отв. ред. А.А. Сванидзе. – М., 2000. – Т. 4. – С. 299–305.

²⁴ Дашков, С.Б. Императоры Византии. – М., 1996.

²⁵ Литаврин, Г.Г., Гладков, А.К. Византия эпохи Македонской династии и Комнинов // Всемирная история: в 6 т. – Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока / отв. ред. П. Ю. Уваров. – М., 2012. – С. 358–371; Литаврин, Г.Г., Гладков, А.К. Закат Византии (XIII–XIV века) // Там же. – С. 564–580.

²⁶ Мишо, Ж.-Ф. История крестовых походов. – М., 2001.

²⁷ Куглер, Б. История крестовых походов. – М., 2005. (СПб., 1895).

²⁸ История Крестовых походов / под ред. Дж. Райли-Смита ; пер. с англ. Е. Дорман. – М., 1998.

²⁹ Филипс, Д. Четвертый крестовый поход: Что заставило европейских рыцарей разграбить Константинополь? / пер. с англ. А. Воскресенской. – М., 2010.

³⁰ Федоров-Давыдов, А.А. Крестовые походы. Историческая хроника. – М., 1905.

³¹ Успенский, Ф. И. История крестовых походов. – М., 2001.

³² Заборов, М.А. Крестовые походы. – М., 2022. (М., 1956); Заборов, М. А. Папство и Крестовые походы. – М., 1960; Заборов, М.А. История крестовых походов в документах и материалах. – М., 1977; Заборов, М.А. Крестonosцы на Востоке. – М., 1980.

³³ Доманин, А. Крестовые походы. Под сенью креста. – М., 2003.

³⁴ Бармин, А. В. Крестonosцы в Константинополе // Византия: общество и церковь. – С. 178–200.

³⁵ Лучицкая, С.И. Крестовые походы // Всемирная история: в 6 т. – Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока / отв. ред. П. Ю. Уваров. – М., 2012. – С. 467–483.

³⁶ Шишкин, А.А. События IV Крестового похода в оценке его участников // Молодой учёный. Ежемесячный научный журнал. – 2013. – № 7 (54). – Т. 3. – С. 333–337.

царей IV Крестового похода в контексте религиозного сознания содержит статья А.Г. Смирнова³⁷.

Таким образом, историографический обзор показывает, что в центре внимания историков лежат преимущественно мотивы верхушки рыцарства, Иннокентия III и Венеции. Мало внимания уделяется тому, как сами участники похода относились к столь резкой перемене. Только М.А. Заборов в статьях к публикациям хроник, а также частично А.А. Шишкин и А.Г. Смирнов поднимают этот вопрос. Таким образом, из обзора историографии становится очевидно, что тема мало изучена и требует дальнейшей разработки.

Цель магистерской работы состоит в том, чтобы показать образ Византии, нашедший отражение в хрониках участников IV Крестового похода – Робера де Клари и Жоффруа де Виллардуэна.

Для реализации поставленной цели необходимо решить ряд взаимосвязанных **задач**: – систематизировать биографические сведения о Робере де Клари и Жоффруа де Виллардуэне и охарактеризовать их социокультурный облик; – воссоздать событийную канву, связанную с подготовкой и особенностями IV Крестового похода, в представлениях хронистов; – установить, как латинские авторы воспринимали политическую историю Византии на рубеже XII–XIII вв.; – показать, каким увидели Константинополь западноевропейские рыцари, и как оценивали поведение в этом городе крестоносного войска.

Объект исследования – IV Крестовый поход (1202–1204).

Предмет исследования – отражение образа Византии в хрониках IV Крестового похода.

Научная новизна магистерской работы заключается в том, что в ней впервые в историографии предпринята попытка рассмотреть образ Византии как «Другого» на материале двух важнейших французских хроник-мемуаров IV Крестового похода.

---

³⁷ Смирнов, А.Г. Роль религиозного сознания в идеологических установках и жизненной практике рыцарей Четвертого крестового похода // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. – Серия: История и политология. – 2015. – № 1. – С. 37–47.

Источниковую базу данного исследования составили мемуары французского (пикардийского) рыцаря Робера де Клари³⁸ и «маршала Шампани и Романии» Жоффруа де Виллардуэна³⁹, которые волею судьбы или, выполняя свой долг, оказались в рассматриваемый период в Византии.

В «Завоевание Константинополя» Робера де Клари излагается история IV Крестового похода, в котором он участвовал. Малообразованный рыцарь, стоявший в стороне от руководителей крестоносного войска и не посвященный в их планы и закулисные интриги, часто путает факты и восполняет недостаток информации собственными домыслами и предположениями. Поэтому фактологическая ценность его записок весьма относительна. Значение его сочинения состоит в другом: вчитываясь в повествование любознательного пикардийского рыцаря, описывающего события с присущей ему непосредственностью, мы как бы «вживаемся» в эпоху Крестовых походов, лучше понимаем идеалы рядовых участников этого движения.

Как и мемуары Робера де Клари, «Завоевание Константинополя» Жоффруа де Виллардуэна – исторический труд, написанный светским человеком, но не мелким рыцарем, а феодальным сеньором средней руки, достигшим положения высокопоставленного сановника графов Шампани, а после создания Латинской империи – и носителя высокого титула «маршала Романии». Достоинства хроники Жоффруа де Виллардуэна как исторического труда определяются главным образом четкостью и значительной точностью в передаче событий IV Крестового похода, фактографической добротностью, логической и хронологической упорядоченностью повествования. В этом плане мемуары маршала Шампанского отличаются от воспоминаний Робера де Клари, зачастую смешивающего быль с небылью. Жоффруа де Виллардуэн, не в пример Роберу де Клари, совершенно не нуждался в том, чтобы компенсировать недостаток или отсут-

---

³⁸ Робер де Клари. Завоевание Константинополя / пер., статья и коммент. М. А. Заборова. – М., 1986.

³⁹ Жоффруа де Виллардуэн. Завоевание Константинополя / пер., статья и коммент. М. А. Заборова. – М., 1993 [Электронный ресурс] : [сайт]. – URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Villarduen/framepred.htm> (дата обращения: 15.09.2025) – Загл. с экрана.

вие конкретных данных игрой воображения, поскольку, находясь в центре важнейших событий, политики и дипломатии крестоносцев, он был превосходно осведомлен не только о том, что происходило «на поверхности», но и о потаенных пружинах, обуславливавших крутые повороты в судьбах крестового похода, неотвратимо толкавших его в сторону Константинополя. Ценность хроники де Виллардуэна в большой степени обуславливается своеобразным авторским видением и авторским освещением событий, активным и значимым участником которых Жоффруа являлся, его суждениями об этих событиях, преподносимыми им в отличие от Робера де Клари со всей определенностью и категоричностью – в форме собственных, притом весьма красноречиво сформулированных, умозаключений. Можно сказать, что хроника Маршала Шампанского – один из ранних примеров политической тенденциозности, искусно проводимой в чисто событийном, казалось бы, повествовании средневекового автора. И в целом, и в деталях все оно последовательно подчинено главной цели – всемерного оправдания перед лицом истории тех далеко не достославных «подвигов», которые совершили в христианских землях и против их христианских же жителей несостоявшиеся «освободители Гроба Господня».

В качестве дополнительного источника использован «Договор предводителей крестоносцев с Венецией о перевозе в Святую Землю (апрель 1201 г.)»⁴⁰.

Используемые источники и исследования позволяют реализовать поставленные цель и задачи, которые определили структуру магистерской работы, которая состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Основное содержание работы. В первой главе «Хронисты IV Крестового похода: страницы биографии и социокультурный облик» приводятся биографические сведения о Робере де Клари и Жоффруа де Виллардуэне и рассматриваются их социокультурные характеристики.

---

⁴⁰ Договор предводителей крестоносцев с Венецией о перевозе в Святую Землю (апрель 1201 г.) // Заборов М.А. История крестовых походов в документах и материалах. – С. 169–173.

Во второй главе «Причины и особенности IV Крестового похода глазами хронистов» выявляются взгляды Робера де Клари и Жоффруа де Виллардуэна на IV Крестовый поход, обстоятельства изменения его направления с восточного мусульманского на христианские Задар, город в Далмации, и Византийскую империю.

В третьей главе «Византия на страницах хроник крестоносцев» анализируются представления латинских хронистов о политической истории Византии рубежа XII–XIII вв. и реконструируется образ Константинополя в хрониках крестоносцев Робера де Клари и Жоффруа де Виллардуэна

Заключение. IV Крестовый поход (1202–1204) занимает особое место в крестоносном движении на Восток. Западноевропейские рыцари, эти «воины Христовы», отправлявшиеся на освобождение Святой Земли, обратили свое оружие против единоверцев, осаждали христианские города и разграбили Константинополь.

История этого похода дает обильный материал для изучения актуальной в современных условиях проблемы восприятия «Другого», формирования образа «Чужого» в более широком контексте взаимодействия культур.

Мы обратились к исследованию восприятия Византии западноевропейскими рыцарями эпохи IV Крестового похода. Основными источниками для исследования стали мемуары участников похода – французского, пикардийского, рыцаря Робера де Клари и маршала Шампани Жоффруа де Виллардуэна.

Робер де Клари относился к так называемому «меньшому люду», и хотя и был непосредственным участником событий, но видел и знал далеко не все о том, что происходит с крестоносным воинством и не был посвящен в планы верхушки рыцарства. Поэтому его хроника полнится слухами и живым воображением. Тем не менее, сведения о передвижении армии, битвах, в которых он участвовал, и настроениях рядовых воинах заслуживают доверия. Другого историка похода, Жоффруа де Виллардуэна, можно определить как феодала средней руки. Благодаря своим талантам он смог добиться высокого положения в войске, «бывал на всех советах», был наряду с Кононом Бетюнским главным

дипломатом похода и своеобразным «начальником штаба». Его осведомленность не вызывает сомнений, он весьма точно описывает ход действий фактически и хронологически. Но, вместе с тем, она носит явно тенденциозный характер и написана в интересах верхушки рыцарства. Жоффруа де Виллардуэн воссоздает историю завоевательного предприятия, руководимого феодальной знатью и венецианской купеческой олигархией, под углом зрения людей своего круга, представителей владетельных и служилых сеньоров, связанных с феодальными верхами, менее всего озабоченных необходимостью решения официально прокламировавшихся религиозных задач, но побуждаемых в первую голову корыстными мотивами политического, в частности престижного, свойства, а также, если говорить о венецианцах, надеждами на экономические выгоды, которые сулила заморская экспедиция в случае ее успеха. Таким образом, Робер де Клари был рупором «общественного мнения, а Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампанский, выражал устремления, взгляды и чаяния сильных мира сего. Не случайно герои одного – воины-авантюристы из рыцарских низов, герои другого – маркиз Бонифаций Монферратский, дож Энрико Дандоло, графы и герцоги, доблести и заслуги которых он воспекает и увековечивает.

Оба хрониста разделяли со своими современниками-историками убеждение во всемогуществе Божьем, в том, что все человеческие деяния совершаются по воле Всевышнего, что ход и исход исторических событий зависят от небесного промысла. При этом для Жоффруа де Виллардуэна, являвшегося знатным сеньором, приобщенным к теологической образованности, характерна большая глубина религиозного видения излагаемых событий, большая внутренняя приверженность идее провиденциалистской сущности и сверхъестественной причинной обусловленности их связи, чем Роберу де Клари, который обходился чаще всего поверхностно-клишированными стереотипами при объяснении фактов, свидетелями которых ему довелось быть.

И Робер де Клари, и Жоффруа де Виллардуэн являются создателями концепции, известной в историографию IV Крестового похода как «теория случайностей». Перед читателем и исследователем – переплетение причин и следст-

вий, обусловившее в изображении Робера де Клари завоевание Византии и создание Латинской империи; цепь внутренне не связанных друг с другом обстоятельств, перед лицом которых крестоносцы не могли устоять. У Виллардуэна эта концепция получила более детализированное, всеобъемлющее воплощение: все событийные звенья цепочки крестового похода в его рассказе подчинены воле случая. Уже история подготовки и организации IV Крестового похода предстает на страницах их мемуаров как сцепление множества разрозненных, случайных причин, коренившихся в превратностях происходящего. Крестоносцы стали «жертвами» случайных обстоятельств, которые привели их к разграблению Константинополя. Сводя все перипетии похода к нагромождению неожиданностей, латинские авторы создали апологию, панегирик Крестового похода.

Значительное место у хронистов, особенно Робера де Клари, занимают экскурсы в политическую историю Византийской империи со времён Мануила I Комнина и до свержения Исаака II Ангела в 1195 г., которое произошло тоже вследствие переплетения случайностей и, в конечном счете, из-за оплошности самого Кирсака (Исаака II). Такие же случайные, непредсказуемые события продолжали обрушиваться на крестоносцев и после подписания соглашения с византийским наследником. В результате они силой обстоятельств были вынуждены захватить Константинополь. Виллардуэн подчеркивает необходимость взятия города из-за невыполнения греками обязательств, описывает политические интриги и оправдывает действия крестоносцев как «справедливый суд». В его изображении византийцы – это вероломные греки, нарушившие обещания, данные царевичу Алексею Ангелу, что дает рыцарям законное право на месть и захват земель. Виллардуэн представляет византийских императоров как узурпаторов, что делает «франкское» завоевание и установление Латинской империи законным действием в его глазах. Таким образом, весь византийский экскурс в записках Робера де Клари и Жоффруа де Виллардуэна нацелен на то, чтобы оправдать вторжение крестоносцев в Византию и в Константинополь, в частности.

Хронисты описывают город как сказочно богатый, описывают великие церкви и реликвии, многие из которых впоследствии были вывезены в Европу. Робер де Клари впечатлителен, непосредствен, экспансивен, он не в силах «упрятать» свои эмоции в «кольчугу» литературно отделанных фраз, он демонстрирует несомненное пристрастие к описаниям удивительного и великолепного. Он был изумлен, прежде всего, роскошью, обилием золота, великолепием мозаик, масштабностью общественных сооружений, с восхищением описывает увиденные им в Константинополе храмы и находившиеся в них реликвии. Виллардуэн тоже не скрывает своего восхищения размерами, красотой и богатством Константинополя, но не столь восторженно и детально, как его «коллега».

И все это великолепие, увиденное в Константинополе, подверглось жестокому разграблению крестоносцами. Хотя, надо отметить, такое поведение было в целом обычно для практики войн в Средневековье, а в рыцарской ценностной ориентации трофеи считались законным способом обретения богатства. Традиционный для воинского сословия обычай разграбления города изначально дезавуировал религиозные идеи. В таком случае и реликвии расценивались как легитимная добыча. Перемещение же на Запад объектов религиозного почитания интерпретировалось католиками как возвращение святынь в лоно истинной, Католической церкви.